

## ЛИНГВОПОЭТИКА

### **Выражение косвенного содержания в английском языке и литературе**

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2003

Актуальность данной темы объясняется изменившимися условиями межличностного общения представителей разных культур, таких, как русская и различные культуры, представители которых являются носителями английского языка. Преподаватели иностранных языков в последнее время все чаще указывают на то, что усвоение языка без знания культуры недостаточно для эффективного контакта между представителями разных национальностей и языков, что необходимо прежде всего изучение национальной культуры для того, чтобы состоялось полноценное общение, при котором его участники способны достигнуть полного взаимопонимания. Если исходить из основных функций языка, то можно сказать, что на уровне межличностного общения на первый план выходит не функция сообщения, действие которой довольно тщательно и подробно изучено в языковедческой литературе, а функции общения и воздействия. В связи с этим в лингвистических исследованиях начинает изменяться парадигма, по-другому расставляются акценты и на первый план выходят языковые явления, которые раньше получали гораздо меньше внимания.

Существенным для разработки данной темы может быть рассмотрение тех случаев, когда функционирование экспрессивных единиц определенного рода переключается в речь, в конкретные контексты, когда языковые и стилистические приемы, семантические операции определенного рода, а также синтаксические конструкции становятся реальным эффективным инструментом коммуникации, демонстрируя то, как ведут себя в определенных ситуациях британские и американские носители языка, то есть в такие моменты, которые сопряжены с основными категориальными признаками речевого поведения британских и американских носителей языка.

Различия между носителями этих двух диалектических вариантов английского языка, являющихся частью культур, довольно-таки плюралистических по своему характеру, в самом обобщенном виде следующие: для представителей британской культуры наиболее характерны уклончивость, иносказание (*circumlocution*), парафраза, расплывчатые смыслы (*ambiguity*), двусмысленность (*double meaning, doublespeak, double talk*),

эвфемизация речи, недосказанность и недоговоренность (*understatement*) и их более узкая разновидность *мейосис*, ирония, сарказм. Британские носители английского языка скажут, например, что какое-то место находится «на некотором расстоянии», имея в виду, что оно расположено далеко; они говорят ‘*It needs some faith to believe that*’ (‘Чтобы в это поверить, требуется некоторая доверчивость’), имея в виду едва ли встречающуюся в жизни степень доверчивости, и т.п.

В современном культуроведении принято считать, что, в отличие от носителей британской разновидности, для американских носителей английского языка, по крайней мере внешне, как бы в пику бывшим соотечественникам по Британской империи, характерна (и высоко ценится в американской культуре) прямота выражения мысли, что обусловлено другими требованиями общения в данном социокультурном сообществе, где вследствие определенной конкретной межнациональной и социо- и геополитической ситуации наиболее выигрышными оказывались открытая, честная игра, открытое, честное партнерство и другие личные качества такого же рода. Что касается британского менталитета, то исследователи предполагают, что он, в частности, сформировался во времена Британской империи благодаря долгому общению подданных Великобритании со странами Азии, с представителями восточных культур, в которых ценятся, например, следующие качества: многословие, велеречивость, цветистость речи, не прямое обещание, намек, имплицитное выражение смыслов (например, через притчи, басни и т.п.).

Если попытаться гипотетически сопоставить наиболее излюбленные способы выражения смысла в диапазоне от подчеркнуто, демонстративно ярко выраженного смысла до легкого намека, аллюзии, едва намеченных и поэтому очень легко ускользающих от понимания, то создается впечатление, что, если говорить о наиболее общеупотребительных приемах, носители русского языка в массе своей скорее склонны к выражению более выпукло очерченного и явно выраженного смысла, в то время как носители британского английского предпочитают недоговоренности и частичное выражение смысла. Другими словами, носители русского языка предпочитают эксплицитное выражение смысла, в то время как британские носители английского языка склонны к имплицитности.

Немаловажно также отметить, что у исследователей британской разновидности английского языка создается такое впечатление, что на большую утонченность и рафинированность, если не сказать даже некоторую изощренность выражения смыслов в британском английском могла повлиять очень широкая и повсеместная распространенность популярных психологических знаний. Следует отметить, что, в отличие

от России и Советского Союза, где психология вплоть до примерно шестидесятых годов на официальном уровне считалась чуть ли не псевдо- и лженаукой, наряду с генетикой и кибернетикой, в Великобритании никогда не было таких запретов и не прерывалась традиция психологических исследований, которая ведет свое начало от Зигмунда Фрейда и предшествовавших ему ученых. В связи с данной темой можно кстати упомянуть, что Фрейд, считающийся первооткрывателем «бессознательного» в психологической науке, не случайно сделал однажды упоминание о том, что «бессознательное» открыл не он, а писатели, ведь наличие неосознанных мотивировок поведения было известно еще и до него и описывалось в многочисленных произведениях литературы.

Продолжая психологическую линию, можно отметить, например, тот факт, что если в русском языке выражение «косвенное внушение» является специальным психологическим термином, со смыслом которого знакомы в основном специалисты, то в английском языке эквивалентное ему выражение 'indirect suggestion' является частью общеупотребительного словарного запаса, со смыслом которого знакомы все грамотные носители языка. Представляется, что этот факт также подтверждает широкое распространение самого явления передачи смысла косвенными способами.

Пытаясь понять роль косвенных способов выражения смысла, в частности, таких приемов, как ирония и сарказм, в ряду других ценностных социокультурных составляющих английского менталитета, имеет смысл обратиться к тому, как их интерпретируют сами носители этой культуры. Так, например, в книге «Жизнь и как в ней уцелеть» один из ее авторов, известный британский комический актер и автор киносценариев Джон Клиз, сравнивая американскую и британскую культуры, говорит следующее: «Американцы не любят сложности и противоречия; косвенный смысл любого рода, околичности, иносказания, уклончивость вызывают у них неловкость. К двусмысленности и парадоксам американцы не просто испытывают неприязнь и недоверие, они воспринимаются как совершенно ненужные [...] Для американцев отсутствие прямоты и недвусмысленности – это табу.

При этом это то единственное, на что способны мы, англичане. Мы наслаждаемся и упиваемся «отстраняющими» приемами в общении – говорим странными, потешными, чудными голосами, произносим все как бы в кавычках, используем намеки и аллюзии, говорим неполными предложениями и, прежде всего, используем иронию. Простая, прямая, недвусмысленная речь воспринимается как тревожный сигнал и дурной тон – как своего рода мещанство и филистерство.

Но, в отличие от нас, ирония вызывает у американцев чувство неловкости. Они оказываются в полном недоумении, заходят в тупик,

когда используется ирония. Если говорить прямо, она вызывает у них панику».

В качестве иллюстрации Джон Клиз приводит пример из американского фильма «Роксана», в котором героиня произносит нечто саркастическое и, когда ее собеседник реагирует на это непониманием, она объясняет, что это была ирония. «Ах, ирония!» - говорит ее собеседник. «Да, у нас здесь ничего такого не было... ну, я думаю, где-то с 1956 года».

Таким образом, можно говорить о том, что взаимодействие и игра цивилизаций в случае британских и американских социокультурных и психолингвистических установок привели к совершенно различным результатам. Представляется, что такие вышеупомянутые элементы непрямого дискурса, как околичности, уклончивость, иносказание, парафраза, двусмысленность, эвфемизмы, недосказанность и недоговоренность, мейосис, ирония, сарказм и другие языковые, риторические и стилистические приемы подобного рода в своей совокупности можно считать составляющими базовых, фундаментальных речевых особенностей, характерных для естественных носителей британского варианта английского языка. При этом некоторые из них изучены очень мало, поэтому их изучение может оказаться очень плодотворным.

Материал для разработки данной темы следует искать в произведениях современной британской литературы, в газетных и журнальных публикациях (т.е. в материалах, взятых из средств массовой информации), а также в реальной речевой практике естественных носителей английского языка. В произведениях таких современных британских авторов, как Дэвид Лодж, Айрис Мэрдок, Анита Брукнер, Малкольм Бредбери, Маргарет Дрэбл, Мюриел Спарк, таких классиков XX века, как П.Г. Вудхаус и другие можно найти довольно много примеров, иллюстрирующих употребление данных приемов. Так, например, рассказ Мюриел Спарк 'The Pawnbroker's Wife' («Жена ростовщика») начинается следующим образом:

At Sea Point, on the coast of the Cape of Good Hope, in 1942, there was everywhere the sight of rejoicing, there was the sound of hilarity, and the sea washed up each day one or two bodies of servicemen in all kinds of uniform.

Как видим, в этом отрывке содержатся слова, имеющие положительные коннотации: the Cape of Good Hope (Мыс Доброй Надежды), rejoicing (ликование). Однако после упоминания всех этих положительных понятий автор тут же чуть ли не мимоходом отмечает тот факт, что каждый день море выносило на берег тела солдат, одетых в мундиры самых разных армий. Своего рода переходом к этому является выражение the sound of hilarity, которое, по-видимому, описывает буйное весе-

лье тех солдат, которым на данный момент удалось спастись от ужасов войны. Таким образом, саркастическое звучание этого предложения создается контрастом между значением положительно окрашенных слов, начинающих это предложение, и ужасным фактом гибели людей на войне, невзирая на который оставшиеся в живых солдаты предаются веселью. Саркастическую ноту вносит также выражение *in all kinds of uniform*, подчеркивающее тот факт, что смерть стирает всякие политические, социальные, сословные и ранговые различия, что после гибели солдат становится несущественно, военную форму какой страны они носили.

К обоснованию необходимости изучения данной темы можно, в частности, добавить следующее: в то время как в русском языке такие слова, как “недосказанность”, “недоговоренность” являются просто общеупотребительными словами, принадлежащими к основному ядру лексического запаса русского языка, в английском языке соответствующее им слово *understatement* приобрело нечто вроде терминологического статуса. В пособиях по английскому языку, в справочниках и словарях это слово используется как повседневный, обыденный синоним научного филологического слова “мейосис”. Эрик Партридж в своем многократно переиздававшемся словаре ‘*Usage and Abuse. A Guide to Good English*’ (“Использование языка и злоупотребление им. Путеводитель по правильной речи на английском языке”) называет *understatement* величайшей добродетелью англичанина (‘*the supreme virtue of an Englishman*’). Согласно Эрику Партриджу, если англичанин говорит: ‘*I dislike that woman*’ (‘Мне не очень нравится эта женщина’), этой женщине следует удалиться из поля его зрения как можно быстрее (в данном контексте любопытно то, что сам Эрик Партридж также не употребляет слова типа «ненавидит», «противна» и т.п.); если же англичанин говорит, что какое-то неожиданно возникшее препятствие или неприятность ‘*is rather a nuisance*’ (‘это довольно-таки неприятно’), он имеет в виду, что это адски отвратительно и мерзко или крайне неудачно, плачевно и достойно величайшего сожаления. Эрик Партридж предупреждает, однако, что, если в речи недоговоренности такого рода, недодовысказанность смысла в общем и целом действительно являются добродетелью, то в письменных произведениях они с легкостью могут вводить читателя в заблуждение. Совет, который он формулирует в конце этой словарной статьи, заключается в следующем: не злоупотребляйте британской сдержанностью и английским мейосисом.

Мейосис объясняется исследователями как использование недоговоренности не для того, чтобы обмануть, а для того, чтобы усилить впечатление, производимое на слушателя. Этот термин часто применяют к противоположному высказыванию в отрицательной форме, кото-

рое в литературоведении называется литотой, но на самом деле в британском варианте английского языка этот прием принимает много различных других форм, которые можно противопоставить гиперболе. Этот прием очень распространен в разговорных, сленговых и жаргонных разновидностях английского языка, например, устаревшее на данный момент 'Rather' ('довольно-таки') в качестве эмфатического подтверждения, согласия и т.п. ('Do you like it?' 'Rather!' не в смысле 'несколько', 'до некоторой степени', а в смысле 'в высшей степени').

Аналогичную функцию выполняет заимствованное, как считает автор влиятельного «Словаря английского словоупотребления» Генри Фаулер, из американского варианта английского языка в британскую разновидность употребление местоимения 'some' ('некоторый' в смысле 'еще тот'). Например, 'This is some war', с сильным ударением на слове 'some', является современным разговорным оборотом, который означает 'Это колоссальная война' или 'Это и в самом деле война, всем войнам война'. Генри Фаулер считает, что словоупотребление такого рода является следствием общей для британских и американских носителей английского языка любви к мейосису. Когда британец говорит 'I'll see you further (i.e. in hell) first' ('Сперва я тебя там (т.е. в аду) увижу', то есть произносит фразу, аналогичную высказыванию типа русского «Не дождетесь!»), это пример мейосиса, так же, как и 'didn't half swear' ('даже наполовину не матерился', то есть матерился чудовищно), выражение, которое данный авторитет в области английского словоупотребления квалифицирует как «странным образом инвертированную гиперболу». Генри Фаулер рассматривает эти случаи словоупотребления, при помощи которых он иллюстрирует понятие мейосиса, 'как самые близко знакомые носителю британского английского языка примеры'. Он предлагает сравнить вышеприведенную фразу о войне с его собственным эквивалентом 'something like a war' ('нечто типа войны'), который, как он справедливо считает, лишен пикантной необычности и нестандартности мейосиса.

Мейосис также можно рассматривать среди риторических приемов как некоторого рода недоговоренность, недосказанность, которая преуменьшает или отвергает нечто, или пренебрегает им, или отмахивается от какого-то явления как от несущественного, особенно вследствие использования выражений, благодаря которым нечто кажется менее значимым, чем оно является на самом деле или чем его следовало бы воспринимать, например, называя серьезную рану царапиной, а журналиста писакой, бумагомарателем или «негром» (литературным поденщиком).

На важность, распространенность и значимость мейосиса как языкового явления в британском варианте английского языка указывает тот

факт, что мейосис неизменно упоминается в различных пособиях, справочниках и словарях, посвященных правильности английской речи (по контрасту можно упомянуть тот факт, что это понятие отсутствует даже в специальных литературоведческих справочниках и словарях русского издания, авторы которых, по-видимому, считают вполне достаточным объяснить и проиллюстрировать понятие литоты).

Справедливости ради следует отметить, что между понятиями мейосиса и литоты есть довольно много общего. В английских словарях литота часто объясняется как то же самое явление, что и мейосис, или как его разновидность. Как объясняют авторы, литота иногда ограничивается конкретным видом риторической недосказанности, в которой вместо требуемого утвердительного или положительного понятия используется противоположное ему в отрицательной форме. Например, в первом послании коринфянам Нового Завета фраза 'I praise you not' (Не хвалю вас; Не похвалю) имеет эффект экспрессивного 'я обвиняю вас'; у Шекспира 'I like it not' имеет эмфатическое значение 'мне это неприятно (противно)'; not a few ('не немного', 'немало') означает огромное количество; Not bad, eh? (Неплохо, а?) означает 'великолепно', 'He is no coward' ('Он отнюдь не трус') означает, что он очень храбр.

В русскоязычных же источниках литота трактуется исключительно литературоведчески как троп, противоположный гиперболе. Литота объясняется авторами как образное выражение, оборот, в котором содержится художественное преуменьшение признака (величины, силы, значения) изображаемого предмета или явления. В словаре литературоведческих терминов говорится, например, что литоты встречаются в народных сказках: «мальчик с пальчик», «избушка на курьих ножках», «мужичок с ноготок» (в данном случае представляется, что нужен специальный анализ, который мог бы подтвердить или опровергнуть факт принадлежности данных примеров к литоте). Еще одно значение термина «литота» – это троп, близкий к эмфазе и иронии; усиление значения слова путем двойного отрицания («небезызвестный» вместо «пресловутый»). Отмечается также, что к литоте часто обращался Н.В.Гоголь: «Такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить» (Н.Гоголь).

Один из самых известных специалистов в области английского языка Д.Кристал упоминает это явление в своей книге 'Who Cares about English Usage? An Entertaining Guide to the Common Problems of English Usage' ('Кому есть дело до английского словоупотребления? Развлекательный путеводитель по наиболее распространенным проблемам словоупотребления в английском языке'). Он обращается к этому вопросу при обсуждении темы двойного отрицания, которое считается недопус-

тимым в стандартном английском, т.е. в литературной разновидности английского языка.

В отличие от русского языка, в котором в одном, причем достаточно простом по своей синтаксической структуре предложении могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм и лексических единиц одновременно ('В наших магазинах **никогда ничего не** найдешь'), предложение в английском языке может содержать только одно отрицание, которое придает отрицательную окрашенность всему его лексическому составу ('You can **never** find anything in our department stores when shopping'). Логический аргумент, применяемый для объяснения этого правила, заключается в следующем: два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга. Однако, если конструкция выстраиваемых Вами предложений усложняется, могут возникать различные неожиданные и непредвиденные оттенки смысла.

Д.Кристал приводит пример предложения, которое было употреблено в публичной речи: 'You should not think there are no cases where a strike might not be warranted' ('Не следует думать, что не бывает случаев, когда забастовка не окажется оправданной'). Вопрос, которым задается Д.Кристал, заключается в следующем: неужели оратор использует отрицательные формы логично и хотел бы, чтобы они отменяли отрицательный смысл друг друга? Или он все-таки нагнетает эти отрицательные формы для создания драматического эффекта? У слушателя этой речи, как считает данный лингвист, нет времени для того, чтобы определиться и решить, каково все же намерение оратора.

Вердикт Д.Кристала, который, как представляется, можно с легкостью поставить под сомнение и оспорить, заключается в следующем: такого рода структуры очень запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий. Д.Кристал считает, что они правы, не советуя использовать отрицательные формы там, где можно обойтись утвердительной.

Однако Д.Кристал тут же вспоминает о том, что некоторые типы двойных отрицаний могут добавлять важные оттенки значения. 'I shouldn't bother going to the meeting' ('Я бы (имеется в виду 'на твоём месте') не стала беспокоиться о том, чтобы идти на собрание), - говорит жена своему мужу, на что он отвечает: 'I can't not go - I've got to organize the raffle' ('Я не могу не пойти - я должен организовать лотерею'). В данном случае 'can't not' не означает того же, что 'can'; оно скорее означает нечто типа 'должен'.

Далее Д.Кристал приводит примеры структур с двойным отрицанием, которые соответствуют вышеприведенному определению литоты и смысл которых не вполне отчетливо укладывается в утвердительный

либо отрицательный: 'Will he arrive by tomorrow?' - 'It's not impossible' ('Он прибудет к завтрашнему дню?' - 'Это не исключено'); 'What's she like?' - 'She's not unattractive' ('Как она выглядит?' - 'Она не выглядит отталкивающей'); 'Is it a reliable car?' - 'It's not unreliable' ('Это надежная машина?' - 'Ее нельзя назвать ненадежной'); 'Does he preach interesting sermons?' - 'They aren't uninteresting' ('А интересны ли те проповеди, которые он читает?' - 'Они небезынтересны').

Эти примеры показывают, насколько сложными и утонченными могут быть нюансы значения, выражаемого при помощи мейосиса и его разновидности литоты.

Как известно, юмор считается одним из наиболее трудных для восприятия элементов национальной культуры. В данной работе автору хотелось бы также сосредоточиться на различных лингвистических и стилистических приемах создания юмора, таких, как игра слов, каламбур, ирония и сарказм. Важно также проанализировать понимание иронии и сарказма в британской, американской и русской культурах, поскольку именно различия в понимании и восприятии этих языковых средств представителями разных культур могут вызывать трудности у изучающих язык.

С точки зрения когнитивной науки объяснение сложностей, стоящих на пути желающих изучить иностранный язык, в частности английский, может быть следующим. Одним из основных препятствий в эффективном овладении иностранным языком является расхождение в языковом мышлении. «Картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике. Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

С каждым новым иностранным словом в сознание учащихся как бы «транспонируется» понятие из другого мира. Чаще всего именно это «транспонирование» и является тем камнем преткновения, который до сих пор представляет огромную проблему как для преподавателя, так и для изучающего иностранный язык. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» так обедняет словарь иностранцев, изучающих неродной язык. Таким образом, воссоздание понятийной картины мира, присущей изучаемой культуре, является одной из самых важных задач преподавателей иностранного языка.

В идеале, философское решение проблемы диалога культур и цивилизаций может заключаться в том, чтобы сосредоточиться на главном – то есть попытаться интерпретировать ценностное социокультурное

ядро другой цивилизации, где в виде социокультурной программы фокусируются факты, наиболее существенные для естественного носителя языка. Философ И.А.Василенко, например, подчеркивает, что «...пространство диалога цивилизаций в глобальном мире насыщено особыми «тонкими» видами социокультурных импульсов, интерпретировать которые, мобилизуя рациональные типы знания, практически невозможно: их источники скрыты в глубинах человеческого духа, в тайниках культуры...» «То, что мешает человеку и тревожит его, - говорил Эпиктет, - это не вещи, а его мнения о вещах.»

И.А.Василенко указывает на парадоксальность, с которой сталкиваются те, кому приходится заниматься проблемой интерпретации культур: «Проблема интерпретации в диалоге цивилизаций может быть сформулирована в виде социокультурного парадокса: для человека политического понимать партнера *другой* культуры – значит переноситься в другое социокультурное измерение. Этот парадокс в свою очередь отсылает нас к еще более фундаментальным вопросам: каким образом способен человек осуществить процедуру понимания другого, сохраняя собственную социокультурную идентичность? И как социолингвистическая культура цивилизации, объективируясь, выявляет собственные знания, способные одновременно поддаваться интерпретации другими культурами?»

Действительно, в процессе усвоения другой культуры человек сталкивается с вещами и понятиями, которые кажутся ему парадоксальными. То же можно сказать и об усвоении собственно языковых форм. Не случайно О.С.Ахманова, С.Г.Тер-Минасова и Л.В.Минаева например, называют омонимию и синонимию лексическими парадоксами, а фонетисты (М.В.Давыдов, О.С.Миндрул) говорят об одном из тембров как о «парадоксальном». Сами контрасты между языками и культурами часто воспринимаются как парадоксальные и необъяснимые. Д. Кристал описывает ситуацию, когда англичанин, впервые начинающий изучение русского языка, сказал: «Как это в русском языке нет определенного артикля??? Но он же должен быть!»

(Здесь можно лишь добавить, что сам процесс образования понятий в культуре не подчиняется рациональным законам, и взять в качестве примера языкового факта, который не может быть объяснен непосредственным образом, то, как различные языки делят совокупность имен по родам – явление, которое не сможет рационально объяснить ни один лингвист. Вместе с тем у многих знатоков иностранных языков есть смутное ощущение, что, например, тот факт, что во французском языке есть только два грамматических рода – мужской и женский, некоторым образом связан с национальным менталитетом.)

Возвращаясь к вопросу о парадоксальности многих аспектов языка и культуры, можно отметить, что ирония и сарказм - это как раз такие явления, которые воспринимаются изучающими язык как парадоксальные. В их парадоксальности можно наблюдать несколько аспектов: смысловой (семантический), просодический (интонационный, тембральный), стилистический.

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**. Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: «Чему я, какой-то британец, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?» (What can I, a mere Brit, with just Shakespeare and Dickens behind me, teach you, representatives of the great Russian culture?)

Некоторые из присутствовавших на лекции преподавателей восприняли это вступление как выражение презрения к аудитории, ведь нельзя же говорить о «всего лишь Шекспире и Диккенсе» и о себе как о «каком-то англичанине» ('a mere Brit') всерьез. А если несерьезны эти фразы, то столь же несерьезно и обращение «вы, представители великой русской культуры». Представляется, что это высказывание можно считать весьма ярким примером английского сарказма, причем в данном случае сарказм воспринимался как таковой прежде всего благодаря некоторой психологической напряженности лектора, просодическому оформлению и тембровой окраске его фразы, а также смысловым связям высказывания.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в кажущихся вполне обыденными ситуациях. (У автора накопилась некоторая коллекция таких контекстов.) Однако эти обыденные высказывания и обыденные ситуации могут помочь нам в наших попытках понять другой стиль мышления, другой менталитет, другой язык, многое постигнуть в изучаемой культуре и уменьшить риск неправильного понимания ее представителей.

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда для одного из них этот язык является родным, а для другого иностранным. Понятно, что жизненный опыт, язы-

ковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, система ценностей, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т. п. будут в значительной степени разными. Если можно так выразиться, языковая «этика» и, разумеется, языковой этикет у представителей разных языков неизбежно различны. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять **подразумеваемое** содержание. В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть не обязательно утонченными и безобидными, а скорее похожими на «лучшие» образцы «колониального» юмора.

Например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы - представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: 'We once had a Japanoid...' и тут же поправилась: '...a Japanese boy staying with us...' Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не за что - то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [oi], содержащегося в слове boy. Однако каждому знающему суффикс -oid совершенно ясно, что слова с этим суффиксом могут иметь резко отрицательное значение: **humanoid**, **Stalinoid**, **schizoid**, **rapanoid**, **Mongoloid** и т.п. (хотя, конечно, есть и слова с нейтральным значением типа **asteroid**, **rhomboid**, **thyroid**). Весьма интересно здесь то, что выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным.

Данная «шутка» выражена при помощи достаточно простого морфологического средства - замены одного суффикса на другой. Точно таким же образом можно создать массу «шутливых» наименований: наряду с «японоидом» можно использовать столь же ядовитое слово «англо-саксоид», например. Похожая и, к счастью, незлобная шутка получается по-русски присоединением «неположенного» суффикса, например, в словах «французцы», «англичанцы» и т. п. Понятно, что в описанной шутке слово Japanoid несет отчетливо выраженный пренеб-

режительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Хотя Япония никогда не была колонией Англии, такого рода шутку можно с полным правом отнести к разряду «колониального» юмора.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что английский суффикс *-ese*, входящий в состав таких слов, как *Portuguese*, *Chinese*, *Vietnamese*, *Japanese* и т.д., совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям или, во всяком случае, постулируют такую терпимость), используется для придания отрицательных коннотаций таким словам и выражениям, как *art criticese*, *literary criticese*, *journalese*, *officialese*<sup>5</sup> и т.п.?

В явлениях такого рода начинают отчетливо просматриваться вопросы идеологии, языковой политики, которые всегда играли огромную роль – как в колониальные времена Британской империи, так и в постколониальную эпоху. Не случаен тот факт, что исследователи говорят о колониальном дискурсе, существуют активные процессы борьбы за политкорректность в языке и т.п. Можно также отметить, что в английском языке очень активно идут процессы эвфемизации, так что многие слова и выражения, имеющие хождение в языке, являются табуированными. Симптоматично, например, что даже авторы одного из словарей эвфемизмов, грамотные и просвещенные лингвисты, не нашли в себе мужества включить в словарь раздел, посвященный названиям народов и национальностей, мотивируя это тем, что в словаре не нашлось места именно данному разделу. Этой достаточно прозрачной отговорке, конечно же, не удастся скрыть истинную причину, которая, как можно предположить, по-видимому, заключается в следующем: ксенофобия англичан – это очень широко известное явление, но оно неприятно характеризует эту нацию и поэтому большинство отрицательно окрашенных слов, которые существуют в английском языке для обозначения других народов и национальностей, являются табуированными настолько сильно, что авторы вышеупомянутого словаря эвфемизмов побоялись включить этот раздел в свой словарь.

Все очень любят цитировать Зигмунда Фрейда, который сказал в одной из своих работ: «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него обидным словом, был родоначальником цивилизации». Безусловно, словесная и психологическая жестокость менее разрушительны, чем жестокость физическая. Однако оказаться объектом такой языковой жестокости может также быть очень тяжело, если человек не обладает своего рода «имму-

нитетом» - психологической подготовленностью к защите против словесной и языковой агрессивности, против издевок над теми ценностями, которые важны для него, против осмеивания и высучивания его уязвимых мест. Те естественные носители английского языка, которые пишут пособия по нему, создают разнообразные учебные материалы и т.п., разумеется, не могут себе позволить писать о негативных сторонах английской культуры, ибо это расценивалось бы как нелояльная антиреклама и критика существующего положения вещей. Поэтому изучающие английский язык и культуру, в основном, как правило, получают представление о положительных сторонах жизни англоязычных стран и зачастую не представляют себе отрицательные стороны, например, пренебрежительное и насмешливое (а иногда и презрительное и ядовитое) отношение к другим национальностям. В этой связи задачей исследователей и преподавателей английского языка является, по-видимому, подготовить учащихся к возможному шоку такого рода, сделать их менее уязвимыми, выработать как бы «иммунитет» против негативного воздействия таких насмешек, издевок и оскорблений.

Хотя изучение «языка» телодвижений, мимики и жестов не является языковедческой темой в собственном смысле этого слова, тем не менее очевидно, что он является важной частью процесса общения (в различных источниках всегда называется одна и та же цифра – от 60 до 80% информации, которая передается при помощи жестов, телодвижений, выражения лица говорящего и т.п.). Если вернуться к контексту, в котором было употреблено слово «японоид», например, то следует обратить внимание на некоторые важные межкультурные различия. Для русского человека (как, впрочем, наверное, и для многих других иностранцев, оказавшихся в такой ситуации), сложность заключается в том, что сначала он инстинктивно реагирует на выражение лица собеседника, и, если оно дружелюбное, милое и вежливое, то возникает противоречивое впечатление, так как для русской культуры, как представляется, типичным будет, что презрительные и пренебрежительные высказывания обычно сопровождаются соответствующей интонацией и выражением лица.

У англичан часто бывает так, что сарказм (который в случае этнического юмора является как бы «остаточным явлением») их имперских претензий) направлен на носителей других языков и культур. Так, девушка, работавшая переводчицей с группой из Великобритании, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: 'Oh, Russki, Russki!', когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: «Да-да, русский». Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово «Russki»

употребляется как оскорбление и даже в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает «оскорбительное жаргонное слово».

Ситуация с употреблением англичанами, находящимися в России, слова *Russky* также очень выпукло показывает те сложности ментального и когнитивного плана, которые возникают перед человеком, изучающим язык и культуру другого народа. Как неоднократно подчеркивалось в популярных психологических изданиях, имя человека - это самое важное для него слово. То же самое, наверное, можно сказать и о названии народа, национальности, как очень важном слове для ее носителей. Процесс идентификации с социокультурной общностью - на уровне социальной группы, государства, цивилизации (культуры) - в той или иной мере происходит в психике любого человека. Если при изучении иностранного языка задача состоит в том, чтобы научиться мыслить и структурировать содержание мыслей таким же образом, как это делают естественные носители языка, то при переходе в другое социокультурное измерение человеку, владеющему двумя языками, приходится проделывать своего рода психологический (ментальный) кульбит, когда одно и то же слово в родном языке является названием, которым человек гордится и которое составляет важную часть его индивидуальности, а в иностранном языке - пренебрежительным и оскорбительным прозвищем, в котором, скорее всего, находят свое выражение рудименты имперской спеси и шовинистической предвзятости англичан. Это соображение очень существенно в ситуациях, когда пытаются оценивать психологическую и моральную нагрузку, например, тех людей, которые занимаются устным переводом.

Кстати, слово *Russky (Roosky)* - не единственная пренебрежительная кличка такого рода. Вспомним английские слова типа *Polack* (которое также изначально происходит от исконного польского слова, означающего человека этой национальности, т. е. имеет положительные коннотации в польском языке), *Jap* и *Nip*, которые употребляются в отношении японцев, *Fritz* - в отношении немцев. Фактически упоминание одного из таких слов вызывает цепочку ассоциаций со всей парадигмой: *Chink* говорится про китайцев, *kike* и *five-to-two* - про евреев, *Frog* и *Frenchy* - про французов, *Gypso* - про египтян, *dago* - про испанцев, португальцев и итальянцев, *masagoni* - про итальянцев, *bubble-and-squeak* - про греков и т.п. (Можно также вспомнить недавнюю скандальную ситуацию, когда президент США Д.Буш публично назвал пакистанцев '*Pakis*', т.е. использовал слово как раз из этой парадигмы.)

Д. Кристал в своей популярной книге «Лингвистика» совершенно справедливо замечает, что Железный Занавес - это также и «семантический» занавес, и многие политические и философские термины (такие,

как «свобода», «прогрессивный», «коммунистический», «демократический» и т. п.) имеют разные значения и разные коннотации в зависимости от того, по какую сторону занавеса они употребляются. Можно добавить, что, когда сняты идеологические запреты и вроде бы закончена холодная война, именно этот невидимый семантический «занавес» продолжает оставаться мощным препятствием на пути к полноценному общению и плодотворному взаимопониманию между представителями разных наций.

Возвращаясь к «этническому юмору», можно отметить, что Марвин Минский сделал полезные замечания по этому поводу в одном из примечаний к своей статье «Остроумие и логика когнитивного бессознательного», в которой он, в частности, объясняет роль фреймов, т.е. структур знаний, которые представляют собой пакеты информации (хранящиеся в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций: «Я считаю, что *этнический юмор*, представляющий, бесспорно, большую социобиологическую ошибку, тоже связан с механизмом фреймов. Почему в таком ходу шутки, в которых высмеиваются представители других национальностей? Распространенное объяснение этого явления гласит, что шутки подобного рода есть не что иное, как способ проявления агрессивности. Все это, без сомнения, верно, однако можно предложить и более содержательное объяснение. В одной своей работе я показал, что *слушающему трудно понять рассказ о каком-то человеке, если у него отсутствует нужный фрейм человека, то есть определенный стереотип*. Вместе с тем если слушающему не нужно выбирать фрейм, то вся коммуникативная ситуация для него существенно упрощается. Итак, слепой фанатизм может возникнуть произвольно - как побочный эффект отмеченного обстоятельства. Например, когда рассказывают шутку о человеческой глупости, то с точки зрения психики удобно свести услышанное к некоторому стереотипу - желательно чужому, иностранному, - с тем, чтобы избежать конфликта с окружающим миром. И конечно, подобно снежному кому, этот стереотип может начать обрастать всё новыми и новыми небылицами. Постепенно у людей стираются следы «юмористического» происхождения подобных структур. Борьба с предубеждениями очень трудно, если не понимать важности (и значения) стереотипов в повседневном мышлении.»

В связи со всем описанным задача исследователя английской культуры состоит в том, чтобы попытаться выяснить все возможные нюансы какого-либо ее аспекта; скажем, в данном случае задачей является попытка воссоздать стереотипное отношение к иностранцу (или стереотипные представления о русском человеке, так как эта тема нам,

естественно, небезразлична), которое существует в сознании носителя английского языка. Ведь не секрет, что в массовом сознании существуют стереотипные представления о разных национальностях, и мы сами зачастую веселимся над тем, как выпукло в них бывают схвачены типичные характеристики той или иной нации. С другой стороны, если по отношению к представителям определенной нации существует четко сформировавшееся стереотипное отрицательное отношение, скажем, со стороны большей части мирового сообщества, это может служить оправданием любых, в том числе самых несправедливых и жестоких действий по отношению к этой нации (вспомним, например, бомбардировки Югославии в 1999 году). Если принять во внимание такие политические и идеологические соображения, тогда данная тема представляется не такой уж абстрактной и чисто теоретической. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы как можно более точно воссоздать стереотип, о котором идет речь, каким бы карикатурным он ни был, какие бы крайности ни лежали в его основе, а задача изучающего язык будет состоять в том, чтобы понять его и осознать как факт реальности.

Довольно важным аспектом функционирования различных выше-названных языковых, риторических и стилистических средств, работающих на выражение косвенных смыслов, является их просодическое оформление в звучащей речи.

Одной из причин того, почему ирония и особенно сарказм представляют такую сложность для русскоязычных учащихся, может быть почти полное отсутствие интонационных и ситуационных сигналов их употребления. Как утверждает, например, Дэвид Кристал, «стандартная русская интонация для утвердительного предложения звучит саркастично для англичанина»:

«...есть некоторые эмоции, которые по-особому, специфически проявляются интонационно в каждом отдельном языке. Хорошим примером здесь является сарказм. Сарказм - это такая характеристика, которая очень специфична для каждого языка, и часто бывает очень трудно догадаться, когда иностранец высказывается саркастично. Давайте приведем пример. Русские часто оказываются с этим в затруднительном положении [...] позвольте, я объясню положение дел на случай, если вы об этом не знаете. Какова основная интонационная характеристика английского сарказма? Это употребление ровного тона. Это тон, который не особенно отработывают в процессе преподавания, потому что его не упоминают в большинстве учебников. О'Коннор и Арнольд, например, не упоминают его. Но ровный тон является здесь обычным, если используется в конце предложения. Так, вы говорите вещи типа: «Что Вы думаете о фильме, который смотрели вчера?» и вам отвечают (произносит монотонно, на низком уровне тона, с финальными ровными тона-

ми): «Это было восхитительно. Великолепно. Замечательно. Прекрасно. Не могу дождаться, когда увижу еще раз». И чем более ровным и невыразительным вы сохраняете уровень тона, тем большую иронию и сарказм вы подразумеваете. Итак, таково положение дел в английском языке, а говоря более точно, таково положение в RP («принятом произношении»). Кстати, это не обязательно обстоит так для всех английских акцентов, но это уже другая история. Русские, однако, конечно же, используют ровный тон как показатель утвердительной интонации. Поэтому совершенно обычной характеристикой стандартного московского варианта русского языка является то, что говорят как бы «та - да - да - да - да - да» (воспроизводит интонацию, которая кажется ему типично русской). Хочу сказать, что не собираюсь подвергаться здесь риску, демонстрируя свои познания в русском языке... так что уж простите эту бессмыслицу. Но, видите ли, русские подходят к Вам после чего-нибудь, и Вы говорите: «Вам понравилась пьеса?», а они говорят (подражает русскому произношению): «Чудесно. Очень хорошо. Она мне очень понравилась». (Аудитория смеется.) И вы, конечно же, смотрите им в лицо, и видите по выражению их лица, ну, может быть, не в случае с русскими (аудитория смеется), но... часто, когда так делает иностранец... вы догадываетесь по выражению их лиц, что она им действительно понравилась, так что, конечно, вы игнорируете интонацию. Но дело в том, что во многих обстоятельствах передаваемый тон голоса кажется ироничным, или скучающим, или саркастичным, но он явно не является преднамеренным и, конечно же, он объяснимо не является таким, если посмотреть на интонационную систему русского языка». (Отрывок из стенограммы лекции Дэвида Кристала 'How Important is Intonation?', прочитанной для аудитории британских специалистов-языковедов.)

Для нас в данном случае важно не то, что Дэвид Кристал не совсем правильно понимает особенности русской интонационной системы. В связи с тематикой иронии и сарказма существенно другое - то, что англичане, естественные носители языка, часто воспринимают интонации иностранца ( в данном случае русского) как выражающие иронию, скуку, сарказм и т.д. Такую ситуацию можно, по-видимому, было бы назвать примером психолингвистической проекции по аналогии с психологической проекцией, когда говорящий приписывает собеседнику свои чувства, впечатления, эмоции и т.п. Ведь в данном случае англичанин слышит в речи русского выражение тех чувств, которых тот не испытывает.

Итак, для того чтобы любовь англичан к иронии и сарказму не вызвали культурный шок у русского студента или учащегося, который оказывается в стране изучаемого языка, необходимо специально обучать студентов умению распознавать иронию и сарказм, делать изу-

чающих английский язык более восприимчивыми и менее уязвимыми в этом отношении.

Как следует из всего, что было сказано, основные характеристики иронии и сарказма в английском языке таковы:

1. Ироническое или саркастическое высказывание, как правило, на русский слух не имеет какого-то особого интонационного оформления. Если выразить это при помощи более точной лингвистической терминологии, то можно сказать, что финальный ровный тон, употребляемый на месте интонационного центра в конце предложения, является основным просодическим показателем иронии и сарказма. На самом деле, чем нейтральнее интонация, тем более успешно достигается цель саркастически уколоть собеседника. Так, например, в рассказе Мюриел Спарк 'The Black Madonna' («Негритянская мадонна») описывается ситуация, когда бездетная женщина по имени Лу Паркер, гордящаяся своими либеральными взглядами, всячески демонстрирует их, принимая и знакомя со всеми своими друзьями сослуживцев своего мужа, чернокожих Оксфорда и Генри, недавно приехавших с Ямайки. В самом названии рассказа используется образ недавно установленной в местной католической церкви статуи девы Марии, выполненной скульптором-модернистом из мореного дуба и поэтому имеющей черный цвет. Именно к этой статуе девы Марии, про которую прихожане вскоре начинают говорить, что она имеет чудотворные свойства, Лу трижды в неделю обращает свои молитвы с различными просьбами: дать им с мужем ребенка, ниспослать выздоровление другу и т.п. Хотя она всегда считала себя бесплодной, Лу вдруг обнаруживает, что забеременела, оба супруга радостно ждут появления ребенка, но по прошествии положенного времени младенец у них рождается чернокожий. Можно сказать, что сам сюжет этого рассказа ироничен, показывая иронию судьбы. Во всяком случае, это событие оказывается таким ударом для нее и ее супруга Рэймонда, что они решают, несмотря на весь свой демократизм, отказаться от малышки, сдать ее в Общество по усыновлению и переехать в Лондон. Почти в самом конце рассказа мы читаем: 'One of Raymond's colleagues had asked him that day how his friends Oxford and Henry were getting on. Raymond had to look twice before he decided that the question was innocent. But one never knew... Already Lou and Raymond had approached the adoption society. It was now only a matter of waiting for word.'

2. Как становится ясно и из только что процитированного отрывка из Мюриел Спарк, выражение лица говорящего в момент саркастического высказывания, так же как и интонация, должно быть абсолютно нейтральным. Для обозначения такого выражения лица в английском языке существуют выражения *deadpan expression* и *poker-face*. На лице

говорящего не должно отражаться эмоций, оно должно быть полностью невозмутимым и бесстрастным, только тогда достигается нужный эффект.

3. По определению, лексический состав и синтаксическая структура высказывания должны иметь положительную или нейтральную окрашенность, что делает возможным сменить ее на отрицательную благодаря подразумеваемому сарказму. В письменной речи саркастический эффект часто достигается благодаря смысловым контрастам (в частности, контрастам в значениях лексических единиц, которыми пользуется автор).

Некоторые дополнительные черты к характеристике иронии и сарказма можно, как это ни парадоксально, найти в статье в журнале "Экономист" от 18 декабря 1999 года, которая называется 'A Quiet Joke at your Expense' ("Скромная шутка на ваш счет"). Статья, основной смысл которой состоит в том, что главным принципом пост-имперской внешней политики Великобритании является ирония (способность видеть проявления иронии в столь обширных масштабах и метафорически применять ее к столь необычной области, как внешняя политика, уже сама по себе очень симптоматична как показатель значимости этого понятия в данной культуре), содержит следующие слова: "Очень важно отличать иронию от сарказма (который прославлен тем, что является самой низкой разновидностью остроумия). Как ирония, так и сарказм подразумевают, что говорится противоположное тому, что вы имеете в виду. "Насколько я понимаю, ты считаешь, что сказал что-то умное", - саркастически говорит учитель бесполовому ученику. Ирония, однако, это нечто совсем другое. Многие люди, услышав ироническое замечание, могут не осознать, что оно подразумевается как шутка. Поэтому ирония является гораздо более подрывным элементом, чем сарказм, а также гораздо более забавным развлечением - те, кто осознают, что было сделано ироническое замечание, мгновенно чувствуют себя соучастниками и могут получить удовольствие от того, что есть люди, которые не заметили шутку. "

Итак, как можно видеть из анализа жизненных ситуаций и отрывков из художественной литературы, ирония и сарказм в жизни и в литературе - это не совсем одно и то же. Можно, конечно, сказать, что разбор произведений тех авторов, которые склонны к иронии и сарказму, поможет сделать изучающих язык более восприимчивыми к существованию этих явлений языка и культуры нации (а также ее характера). Например, попытки сделать аналитический разбор каждого их проявления и, скажем, квалифицировать качество насмешки, определяя, является ли насмешка едкой, ядовитой, злой, колючей, язвительной, скрытой или желчной, добродушной, или какой-либо еще, могут помочь уча-

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2003. - Вып. 25. — 200 с. ISBN 5-317-00843-3*

щимся понять проявления иронии и сарказма в реальных жизненных ситуациях. Хотя может быть и так, что неспособность иностранца воспринимать иронию и сарказм естественных носителей - это иногда благо, а не недостаток. Во всяком случае, можно сказать, что сарказм – это чрезвычайно глубокое и емкое понятие, сущность которого передают такие слова и выражения, как безжалостное глумление, уничтожающая язвительность, едкая издевка, злобная насмешка, тайная ехидность, циничное измывательство, уничтожающая желчность, злая колкость, зубоскальство и, наверное, еще многие другие. И, будучи глубоким и емким понятием, оно безусловно нуждается в дальнейшем изучении, если цель исследователей английской культуры состоит в том, чтобы понять ее наиболее существенные проявления. Изучение этого вопроса также показывает, что простой лингвистической интерпретации этих явлений явно недостаточно и полноценный их анализ возможен только в том случае, если привлекаются понятийный аппарат и фактические данные смежных гуманитарных наук, таких как психология, этнология, философия, социология, политология и другие.